

строены по тому же принципу, что и предыдущие. Раздел этот — один из немногих, где в какой-то степени соблюдается географический принцип. Отдельно дается описание Египта, отдельно — государства Селевкидов.

Последняя часть, в которой рассматривается Индия и Китай, занимает меньше 1/6 всего тома, что составляет сто страниц, меньше, чем главы, посвященные одной Греции. Характеристика «цивилизации» этих стран дана настолько бегло, настолько неисторично, что она вряд ли может оставить более или менее отчетливое впечатление у читателей.

В заключении тома, подводя общие итоги, авторы отмечают, что все завоевания, передвижения, влияния не помешали сложиться трем особым мирам: Ближнему Востоку, Индии и Китаю. Разнородность этих трех миров, выработанная на протяжении многих веков, и определила основное направление истории цивилизаций (стр. 637). Таким образом, в заключении авторы повторяют ту же мысль, что и в предисловии: история является историей разнородных цивилизаций, которые развиваются по внутренне присущим им законам.

Рецензируемый том снабжен синхронистической таблицей. Эта таблица интересна тем, что содержание ее совершенно очевидно расходится с намерениями авторов рассматривать историю всех цивилизаций как равных. В этой таблице за период с 479 по 413 г. до н. э. в графах «Египет», «Месопотамия», «Ханаан», «Сирия», «Анатолия» не помещено ни одного события, а для начала IV в. (до 336 г.) в графе «Элам и Иран» отмечено только... пребывание грека Ктесия при дворе персидского царя. В графе «Месопотамия» для этого периода отмечен поход десяти тысяч греков и окончательное установление вавилонского календаря. Для периода же после походов Александра Македонского синхронистическая таблица снова густо покрывается датами. Белые пятна этой таблицы являются не только белыми пятнами рецензируемого издания. В какой-то мере они отражают состояние современной исторической науки за рубежом, которая мало занимается историей стран Востока периода с VII по IV в. до нашей эры.

Рецензируемый том снабжен великолепно выполненными иллюстрациями (нужно вообще сказать, что с полиграфической точки зрения том издан прекрасно), но подбор их в значительной степени случаен. Неясно, — исходя из каких соображений, авторы не дали репродукций крупнейших памятников искусства (например, нет ни одной репродукции с греческой классической скульптуры). Поскольку книга ставит своей целью показать наиболее характерные особенности той или иной цивилизации, то и иллюстрации должны были отражать наиболее характерные моменты в развитии искусства.

Подводя итоги настоящей рецензии, можно сказать, что рецензируемый том вряд ли сможет ознакомить широкого читателя с действительной историей древнего мира. Подбор того небольшого фактического материала, который имеется в томе, сделан в высшей степени субъективно. Отказавшись от взгляда на европейскую культуру как вершину развития мировой культуры, авторы впали в другую крайность — они отрицают какую бы то ни было закономерность и поступательность развития мировой истории в целом. Этот подход к истории, как мы пытались показать выше, влечет за собой пренебрежение к историческим фактам и ведет к уничтожению истории как науки.

И. С. Свенцицкая.

The Babylonian Laws ed. by G. R. Driver and John C. Miles, with Translation and Commentary, т. 1: *Legal Commentary*, Oxford, 1952.

Известно, сколь огромное значение имеет для историка анализ и правовой комментарий древних законов. Рецензируемая книга, являющаяся одним из новейших

и притом наиболее полных комментариев к законам Хаммураби, представляет большой интерес и как ценное пособие для изучения древневосточного общества. Помимо разбора наиболее важных, равно как и множества более частных, второстепенных правовых вопросов, этот комментарий содержит ряд ценных сведений относительно древневавилонского общества, его культуры и сельского хозяйства.

Комментарию предшествует историко-правовое введение; за введением следует изучение вопроса о дате издания ЗХ, их системе, прологе и эпилоге, различных по цели и содержанию; в заключение даны интересные замечания о структуре и характере ЗХ. За вводными главами (стр. 1—53) следует главная часть книги — юридический комментарий к ЗХ (стр. 54—503).

Комментарий разбит авторами на 12 частей и в основном излагается согласно порядку и системе самих ЗХ. Но ввиду отсутствия общей вводной части о характере самого общества, для которого составлены законы, авторам приходится нередко прерывать изложение законов путем включения вводных подразделов (например, в первую часть — о преступлениях и проступках — включен экскурс с подробной характеристикой сущности социальных категорий «авелум» и «мушкенум» (стр. 86—95), а во вторую часть — о «земле и домах» включен экскурс о «работе на земле» (стр. 127—136); отдельным частям, например, «Природа и форма вавилонского брака» (стр. 245 сл.), «Собственность, переходящая по наследству», «Порядок наследования» (стр. 324—342) и другие, иногда предпосылаются особые введения. Рабы рассматриваются в конце 11-й части, соответственно месту данных норм в самих ЗХ, а в последней, 12-й части дается авторское послесловие «О судах и наказаниях» вообще (стр. 490—503).

Для того, чтобы понять те или иные правовые нормы, обеспечивающие сохранение тех или иных общественных условий, надо знать сперва, что именно этими нормами обеспечивается. Нет сомнения, что трудная и полезная комментаторская работа авторов принесла бы больше пользы читателю и само составление комментария было бы легче, если бы авторы дали введение, где были бы даны исторические, юридические и политические предпосылки ЗХ, если уж они избрали не систематический, а постатейный научный комментарий. Принятое же авторами построение не дает им возможности для объяснения таких основных понятий вавилонского общества и права, как, например, раб и рабовладелец, если не считать их попутных замечаний после изложения почти всех институтов рабовладельческого общества. Между тем все эти институты не могут быть достаточно четко и обоснованно представлены, если отсутствует четкое понятие о классовой структуре рабовладельческого общества.

Неудачное построение и отсутствие исторического введения сказалось и на той характеристике, которая дана труду в земледелии (части 9 и 10). В силу тех же причин совсем не освещено значение не раз упоминаемой в ЗХ (§ 23—24, 136, 154, 168, 169 и др.) общины в социальной структуре общества, законы которого они исследуют. При этом почти всюду при комментировании этих статей ЗХ авторы говорят об общине, но называют ее *city*.

Между тем едва ли правильно было ограничивать комментарий к ЗХ правовым объяснением того, что сказано в каждой из 12 групп законов, не выясняя социальной структуры древневавилонского общества, его особенностей и отличий от других древневосточных государств.

Для выяснения этих основных вопросов, кроме ЗХ, следовало привлечь нормы обычного права, судебные решения и частные документы, что авторы делают при изучении отдельных вопросов. Наконец, авторы должны были дать общую характеристику основных черт вавилонского права: указать на его классовый характер, глубокий консерватизм и формализм, существование талиона и ответственности за чужую вину, значение обычного права наряду с законом.

Вместе с тем авторы нередко отвечают на ряд общих вопросов. Таковы общие проблемы, разрешаемые авторами в двух вводных главах или попутно в специальных разделах, хотя вопросы эти здесь рассматриваются часто не в социаль-

ном, а в техническом аспекте, например роль орошения (стр. 129 сл., 150 сл.). Правильно отклоняется авторами модернизированное название ЗХ как «кодекса»¹.

Авторы высказывают то, более чем спорное, общее мнение, что ЗХ не приводился в исполнение вавилонскими судами принудительно, как если бы этот сборник был государственным законом; скорее это было подобие прецедентного права Англии (стр. 52), где надо следовать принципу нормы, ее духу, а не букве; законы не императивны; стороны могут вступать в соглашение по любому правовому делу, их затрагивающему (стр. 53). Это в известной мере верно лишь в отношении вопросов частного права. Но первые же уголовно правовые параграфы ЗХ восстают против такого понимания: за ложное кляузенное обвинение в убийстве обличенного клеветника «должно убить» (§ 1), за кражу у храма или дворца виновного также «должно убить» (§ 6). Как же можно утверждать, что осужденный на смертную казнь может откупиться, вступив в «соглашение» с публичной властью или с жертвой своего преступления, например с собственной дочерью (§ 154)? Едва ли можно допустить это в отношении деяний, для которых в ЗХ императивно установлена смертная казнь или иное уголовное возмездие в интересах охраны непоколебимости устоев рабовладельческого общества в целом, а не только частных интересов. Это различие в ЗХ имеется и не может быть упущено при их изучении.

Конечно, при этом необходимо учитывать, что ЗХ не предусматривали всех возможных правонарушений, которые могли встречаться на практике, и суды неизбежно должны были широко пользоваться и пользовались аналогией. Затем, в ЗХ наиболее важная задача законодателя в его работе по изданию законов для рабовладельческого общества есть устрашение мучительным наказанием всякого, кто посягает на устои общества; с этого и начинаются ЗХ (§ 1—25). Однако изложить и объяснить карательные нормы за преступные посягательства на те или иные правовые институты карательные нормы за преступные посягательства на те или иные правовые институты, а также общественные отношения, которыми они призваны охранять и укреплять, но нельзя начинать изложение с карательных норм, когда еще не поняты их цели и значение.

Другим существенным недостатком книги Драйвера и Майлза является известная модернизация и неразборчивость в выборе терминологии. Особенно широко авторы пользуются терминологией и аналогиями из области феодального, в частности, английского права, что не дает возможности исторически понять особенности вавилонского права как таковые.

Не представляя достаточно четко институт общины на древнем Востоке, авторы оказываются не в состоянии выяснить ее особенности, ее функции и права, например, ответственность общины и ее главы — рабианума за грабеж в пределах общины при нерозыске грабителя (§ 23—24), или какое значение имело членство в общине, а следовательно, и изгнание из нее (§ 154) или из семьи (§ 158), что почти равносильно по последствиям (ФШЗ, § 5; ШСЗ, № 5; ЗБ, § 59)². Известно, что община и рабианум (ставленник царя) — не одно и то же, и в какой доле и кто именно отвечает за грабеж — остается неясным. Авторы приводят данные, что возмещение ограбленно-

¹ Название ЗХ кодексом восходит к Шейлю (МРР, IV, 11); против ЗХ как кодекса Р. Косхакер, *Savigny's Zeitschrift*, 53 (1932), стр. 60—65; J. K l i m a, *Einige Bemerkungen zur Regelung des Kaufs nach den vorhammurapischen Gesetzen*, «Archives du droit orientale», II, 1952, стр. 87: «ЗХ ни в коем случае не является всеобъемлющим сборником, ни в форме кодекса, ни в форме дигест». Равным образом см. ВДИ, 1952, № 3, стр. 204.

² Мы согласны с авторами, что «наказание изгнанием включает потерю семьи и собственности, как и гражданства» (членства в общине) и, быть может, гораздо суровее, чем санкция § 158, где преступник «извергается из отцовского дома» (стр. 318). Потеря семьи как наказание наступает в случае самовольного бегства из общины человека, ее возненавидевшего: если он вернется и захочет «взять свою жену», вышедшую замуж вновь, то она не должна возвращаться к мужу, ибо он «возненавидел свою общину» (§ 136).

му или его родственникам за его смерть (§ 24) собирается с населения общины. Между тем приводимый авторами закон (§ 23) говорит, что отвечает «община и рабна-нум»; кроме того, как выясняется авторами по табличке из Нузу, суд присуждает «людей общины» LU URU^{ki} возместить за убийство при грабеже на территории общины. Очевидно, ограбление рассматривалось как следствие небрежного, неправильного осуществления общиной своей обязанности охранять жизнь и имущество общинников, а также как следствие вины самих общинников, поскольку никто из них не помешал ограблению.

Аналогичные замечания вызывают § 154 и 158, где внимание авторов, естественно, более занято самим браком, чем уголовными последствиями его нарушения в виде изгнания нарушителей устоев брака — отца или сына — из общины (§ 154) или из дома (§ 158). Остается неясным также, что даст «человеку» членство в общине и что он теряет вместе с членством, какие налоги он платит в общине и какова ее роль в организации орошения, а также каково положение не-члена общины.

Не выясняя отличия первобытной общины от территориальной, авторы допускают ошибки и в толковании двух важнейших групп населения — «авелум» и «мушкенум». Согласно авторам, в ЗХ понятие «авелум» (стр. 86) «почти несомненно относится к свободным, даже если под таким свободным понимается зависимый или виллан¹, по-вавилонски *mu kēnum*, ибо каково бы ни было его положение в другие периоды, в старовавилонский период он определенно не раб». Это очень важное положение, но его надо доказать; авторы же заняты частным вопросом, что есть упоминаемый в ряде законов сын авелума (стр. 87—90).

Однако, несомненно, нет основания называть мушкенума «вилланом». Аналогия из области феодальных отношений едва ли приемлема при определении любых социальных слоев рабовладельческого общества. Возбуждает сомнение и предлагаемое авторами понимание авелума. Правильнее считать авелума по происхождению просто «человеком» (в ЗХ: «если человек...»), а затем, исторически меняясь, «авелум», значит «член общины, полноправный гражданин» (см. ВДИ, 1952, № 3, стр. 266).

Понятие мушкенума остается у авторов неопределенным: по их словам, в данных о мушкенуме еще много гадательного и неуточненного. Между тем многое можно вывести из текста самого закона — ЗХ и ЗБ. Так, мы узнаем, что при разводе мушкенум должен был платить меньше, чем «человек» ($\frac{1}{3}$ мины вместо одной мины, § 140); он мог быть рабовладельцем, и его собственность на рабов охранялась наравне с собственностью дворца на рабов (§ 175—176). Не только рабы, но и земля и дом мушкенума охранялись законом (ЗБ § 12, 13; ЗХ § 8, 15, 16). Охранялась уголовным законом и неприкосновенность его личности (ЗХ § 198, 201, 204). Таким образом, авторы не определяют его социальной категории, а приводят лишь отдельные признаки мушкенума, не дающие возможности составить ясное и четкое понятие о его социальной принадлежности. Они говорят довольно неопределенно, что «он занимал промежуточную позицию между свободным человеком и рабом дворца» (стр. 94). Для определения правового положения мушкенума необходимо решить коренной вопрос, есть ли это, с точки зрения вавилонского права, лицо или это вещь, т. е. предмет правообладания (раб или его подобие). Если это вещь, то она может быть по праву, например, продана, уничтожена или повреждена ее собственником без ответственности перед кем-либо; если же все это сделает с вещью не собственник ее, то он отвечает перед собственником, т. е. платит собственнику стоимость вещи или убыток от ее повреждения (ср. положения ЗХ о рабах: § 19—20, 199, 213—214, 219, 279, 282 и др.).

По отношению к мушкенуму все это не имеет смысла, ибо он не вещь, не предмет чужого правообладания — он лицо: ущерб от его искалечения терпит не собственник, а он сам, и именно ему причитается возмещение, ибо это его право. Поэтому, хотя мушкенум часто выступает как лицо социально зависимое от вышестоящего лица (точнее, от дворца), возмещение уплачивается не этому вышестоящему лицу (царю) за снижение

¹ Употребляя для мушкенума термин «виллан» (villain), авторы оговаривают, что он не крепостной (serf).

стоимости его «вещи» от ее повреждения (как уплачивается за раба рабовладельцу), а платится возмещение самому мушкенуму как лицу, кому бы он ни служил (например, § 198, 201). Это доказывает, что мушкенум по вавилонскому праву не только не раб, не вещь, а лицо, но что и положение его нельзя определить как промежуточное между лицом и вещью, а необходимо твердо установить, что мушкенумы — определённая группа лиц, хотя и зависимых и хуже охраняемых законом, чем полноправные, но охраняемых как лица.

Некоторые преступления против «человека» (авелума) караются телесным наказанием виновных по правилу талиона (зуб за зуб, равным за равное): за поврежденный глаз «человека» виновному соответственно повреждается глаз (§ 197—198). Но за ряд телесных повреждений «человека» ему также возмещается не по талиону, а «серебром», как и мушкенуму; например, за неумышленное причинение человеку а «смерти в драке виновный платит серебром, как он платит и за смерть мушкенума ($1/2$ мины, § 207, и $1/3$ мины, § 208): здесь это уже разница количественная, не переходящая в новое качество. Неполноправность мушкенума отражалась в том, что закон к нему не применяет талиона: мушкенуму, как неровне (не полноправному общиннику), не воздается равным за равное посягательство на него как потерпевшего (§ 212 и 214). Качественное же различие мушкенума и раба в том, что раб сам не мог выйти из рабского состояния: раб есть категория устойчивая, самим рабом неизменяемая. Мушкенум же — категория в классовом отношении изменчивая: он мог быть прежде рабовладельцем и теперь еще не упал настолько, чтобы перестать быть лицом и стать вещью, т. е. рабом. Он мог снова стать рабовладельцем, хотя и без членства в общине, ибо мушкенум — это не член устойчивого класса, а категория сословно-должностная. Социальная дифференциация постоянно могла порождать мушкенумов через царский земельный фонд, поглощавший разоренных и выбывших из общины лиц; на царской земле они находили работу и новое социальное положение, как условные держатели царских наделов. Отметим также для характеристики положения мушкенумов, что в ряде городов они составляли компактную часть населения и занимали целые кварталы.

Как положительную черту рецензируемой книги следует отметить некоторый отход авторов от обычной для западных ученых позиции рассмотрения старовавилонских общественных отношений как феодальных. Авторы правильно указывают, что воины (*gêdûm* и *ba'irum*) и близкие к ним категории являются держателями наделов на царской земле, и мушкенумы рассматриваются ими как люди, служащие на царской земле (стр. 92)¹. Вместе с тем авторы со всей определенностью подчеркивают, что отношения между этими держателями наделов и царем не имеют ничего общего с феодальными отношениями (стр. 112). Это не мешает им, однако, тут же обозначать наделы воинов явно неуместным термином «лен» (*fief*, стр. 112).

Мы рассмотрели некоторые важнейшие позиции авторов. Основное значение их работы заключается в разрешении большого количества специальных вопросов, которые они подробно и разносторонне исследовали, тесно связывая положения ЗХ с нормами их предшественников (ШЗ, ШСЗ, ЗБ, ЗЛН). Исчерпывающее знание исследуемого предмета, а также большой научный аппарат дают авторам широкие возможности для сопоставления ЗХ с библейским, греческим и римским правом, что, несомненно, интересно и ценно для исторического исследования самих ЗХ.

Из частных замечаний авторов интересно, например, их мнение об отношениях между царским купцом и торговым агентом — тамкаром и его помощником — шамаллумом². Если враг отнимет у шамаллума все, что было при нем (§ 103), то, подтвердив это клятвой, шамаллум освобождается от ответственности перед тамкаром.

¹ О положении мушкенума см. также ВДИ, 1952, № 3, стр. 265; DMA B, 1945, стр. 52 сл. и 59.

² О положении тамкара см. также стр. 186—202; 209—210 и др., а также W. F. Leemans, *The Old Babylonian merchant, his business and his social position*, Leiden, 1950.

Авторы правильно толкуют этот случай, т. е. нападение врага, как непреодолимую силу.

Трудно объяснимый § 101, по которому шамаллум, не наживший прибыли на серебро, данное ему тамкаром для покупки товара, обязан вернуть его вдвойне, авторы объясняют в том смысле, что половина пени налагается на шамаллума «за потерю прибыли», а другая половина — за взятый у тамкара капитал. На это, однако, может быть замечено, что нельзя понимать здесь серебро как заем, ибо наибольший процент, дозволенный в ЗХ при займе серебра — 20%, здесь же берется 100%, т. е. шамаллум обеспечивает тамкару при всех условиях прибыль в 100%. Повидимому, — это угрожающий шамаллumu штраф, предохраняющий тамкара от недобросовестности шамаллума при исполнении им поручения тамкара. Для стимулирования же успешности труда шамаллума ему дается беспроцентная ссуда, и он возвращает только эту ссуду, даже если потерпит убыток там, куда направится (§ 102).

Наиболее полно разработаны авторами вопросы брака, семьи и усыновления, особенно отношения супругов. Авторы решительно возражают против взгляда Кошакера на вавилонский брак как на куплю жены, основанный на отождествлении им «тирхатума» с ценой невесты (по Кошакеру, тирхатум есть выкуп, калым). По мнению авторов, тирхатум есть нечто, передаваемое в связи с супружеским актом. Вероятно, это брачный дар, но не цена. Если бы отец жены даже получал какую-нибудь ценность, хотя на деле он редко получал вообще что-либо, то в шерпктуме (приданом) он отдавал много больше, чем получал в тирхатуме (стр. 264, 250, 259¹).

Отметим здесь лишь, что с правовой точки зрения важны не сравнительные размеры калыма и приданого (которые, к тому же, бывали весьма различны), а самый принцип приобретения жены за выкуп материальными ценностями, лежащий в основе вавилонского брака и отражающийся на правовом положении жены в доме мужа.

Книга заканчивается интересным очерком «наказаний и возмещений» по ЗХ (стр. 494—503). Здесь в четких формулах даны два важнейших ограничения недифференцированной кровной мести: 1) талион, т. е. соответствие наказания как по объему, так и по существу самому преступлению и 2) композиция, т. е. искупление виновным последствий своего деяния деньгами. Сначала композиция была добровольным, частным соглашением двух семей (возможно, самая древняя форма договора), а затем в ЗХ стала принудительным средством взыскания за некоторые телесные повреждения и, возможно, за убийство и постепенно вытесняла талион, оставив его, как считают авторы, для знатных людей, точнее было бы сказать — полноправных (стр. 502).

Наконец, в заключение, должно быть поставлено в заслугу авторам то, что в ответ на теории некоторых авторов о беспримерной жестокости вавилонских законов Драйвер и Майлз замечают, что «варварство» было свойственно наказаниям в Ассирии и Вавилоне не в большей мере, чем наказаниям в Англии или в любой иной стране Европы еще 200 лет назад. К тому же в Вавилонии мы не находим никакого упоминания о пытке как о средстве получения доказательств против обвиняемого (стр. 503). Поэтому «прежде чем осуждать эти древние народы, хорошо еще вспомнить и о том, что даже ассирийское варварство войны не может сравниться с массовым варварством, применяемым к гражданскому населению и беззащитным пленным в современных войнах».

Проф. Я. М. Магазинер

¹ См. ВДИ, 1952, № 3, стр. 289.